

Пол Хорвич

Научные концепции языка и их философский смысл*

Цель данной статьи – раскрыть очевидный конфликт между критикой аналитико-синтетической дистинкции Куайном и потенциально обоснованным постулированием этой дистинкции в когнитивных науках¹. Я заинтересовался этой проблемой после того, как услышал о ней на лекции Ноама Хомского². Он указал общепринятое использование аналитико-синтетической дистинкции в лингвистике; кроме того, он заметил, что под влиянием Куайна современная философия очень часто обходит эту проблему; и он попытался, что либо философия, либо лингвистика находятся на весьма неверном пути. Нетрудно предположить, что именно он имел в виду! По его мнению, аргументы Куайна базируются на очевидно ложных бихевиористских посылах, вследствие чего они оказали совершенно неправильное, и даже вредное влияние на философию языка.

Что касается моей личной оценки происходящего, то она кардинальным образом отличается от вышеобозначенной. Я вовсе не уверен, что на самом деле наличествует конфликт между критикой аналитико-синтетической дистинкции Куайном и той ролью, которую играет эта дистинкция, или могла бы играть, в когнитивных науках. Однако с другой стороны, я думаю, что мы можем найти формулировку позиции Куайна, которая является а) близкой к тому, что он говорит, б)

* Horwich P. Scientific Conceptions of Language and Their Philosophical Import // *Philosophical Issues*, 3, 1993. Перевод выполнен Екатериной Межутковой с любезного разрешения автора. – Примеч. ред.

- 1 Дополнительную информацию по этой теме см. «Хомский против Куайна об аналитическо-синтетическом», *Proceedings of the Aristotelean Society*, 1991. Это статья, по которой я делал доклад в Саламанке, и которую комментировал Пол Богосиян. Она не может быть опубликована здесь. В любом случае, настоящая статья наглядно демонстрирует те же заключения, и они получены тем же путем, отличие состоит лишь в акцентах.
- 2 Лекция проходила в Массачусетском технологическом институте (MIT) весной 1991. Хомский отвечал на критику Куайном понятия значения в ряде своих работ. См., например: *Rules and Representations* (New-York, Columbia University Press, 1978).

истинной, с) важной с философской точки зрения и d) идеально согласующейся с результатами научных исследований.

Здесь возникает интересный вопрос, относящийся к интерпретации позиции Куайна, он касается *степени* его скепсиса относительно значения. Говорит ли он, что «аналитично» и другие близкие к этому выражения, такие как «синонимично с...», «означает...», «является правильным переводом...» и прочие, являются:

- (i) бессмысленными,
- (ii) никогда определенно не применимыми,

или же просто

- (iii) определенно применимыми в гораздо меньшем числе случаев, чем мы думаем?

По моему мнению, в текстах Куайна или в том, что подтверждается его аргументами, не может быть найдено ничего сильнее третьего пункта из приведенных выше, который сам по себе является довольно слабым. Подтверждение этому мы можем найти в нескольких моментах:

(А) Куайн, как и в «Двух догмах эмпиризма»³, так и в любой другой статье, допускает существование *условных определений*, которые производят предложения, которые в свою очередь (по крайней мере, в моментах соглашения) не могут отрицаться без изменения их значения. Например, когда впервые было решено дать атому с одним протоном и одним нейтроном название «дейтерий», то в этот же момент предложение «Дейтерий – это атом с одним протоном и одним нейтроном» было определенно аналитическим.

(В) Он готов определить *аналитическую истину*, как сводимую путем подстановки синонимов к *логической истине*. Таким образом, утверждение «все холостяки – неженаты» будет определено как аналитическое, только в том случае, если оно может быть сведено к утверждению «Все неженатые мужчины неженаты». В этом случае, как бы нам ни было трудно определить понятие синонимичности, в конце-концов *логическая истина* точно так же будет отнесена к определенно аналитической.

3 Quine W. V. Two Dogmas of Empiricism // Quine W. V. From a Logical Point of View. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1953.

(С) Тезис главы II в книге «Слово и объект»⁴ заключается в том, что нет такого точно установленного факта, который бы устанавливал правильное руководство по переводу среди порой радикально противоположных. Здесь не имеется ввиду, что абсолютно *любое* достаточно старое руководство по переводу может быть правильным. По словам Куайна, существуют *некоторые* объективные стандарты правильности, которые и помогут нам сразу отсеять некоторые руководства. В частности, руководство по переводу, с помощью которого мы можем произвести взаимный перевод пары предложений наблюдения, который подтверждается различными для каждого из этих предложений наблюдения стимульными условиями, является объективно некорректным. «Gavagai» должно означать «кролик», ну или хотя бы «неотгуленная часть кролика», но уж никак не «стол».

Таким образом, довольно очевидно, что тезис Куайна не обращается в радикальный скептицизм или элимитивизм насчет определенных семантических фактов. Наоборот, то, что утверждает Куайн, состоит в том, что таких фактов невероятно мало и они весьма редки.

Однако, разумеется, нельзя не упомянуть, что в этой знаменитой критике Куайна должно быть и еще что-то помимо этого, далекого от какого-то сногшибательного открытия момента – и с этим я согласен. Основная идея и основной философский интерес в его обсуждении семантических понятий лежит вовсе не в осознании их неустойчивости и неопределенности, но гораздо больше в их удалении из эпистемологии: то есть, в той точке зрения, что такие понятия как «истинное благодаря одному лишь значению» были излишне переоценены в философии и не играют абсолютно никакой существенной роли в теориях, объясняющих приобретение и обоснование наших убеждений.

Можно вспомнить, что в то время, когда Куайн начал свои критические исследования аналитико-синтетической дистинкции, эта дистинкция являлась одним из центральных понятий в *редукционистской* эпистемологической теории логических эмпиристов и позитивистов. Этот подход, начатый еще Фреге⁵ при исследовании арифметики, позже расширенный Расселом до использования в эмпирических науках⁶, а

4 Quine W. V. Word and Object. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1960.

5 Frege G. The Foundations of Arithmetic. – Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 1980.

6 Russell B. The Relation of Sense Data to Physics // Russell B. *Mysticism and Logic*. – London: George Allen and Unwin, 1963.

затем детально рассмотренный Карнапом⁷, как раз был в самом разгаре. Мое нынешнее представление об этом таково, что аналитико-синтетическая дистинкция, играющая важную эпистемологическую роль в рамках логического эмпиризма (но не просто аналитико-синтетическая дистинкция *per se*), была как раз тем, против чего выступал Куайн. Смысл его протеста в том, что он полагал: редукционистская форма логического эмпиризма некорректна и что она должна быть отброшена, заменена другой эпистемологической моделью – холистической сетью убеждений – моделью, в которой такие семантические понятия, как аналитико-синтетическая дистинкция, вообще отсутствуют.

Позвольте мне быть немного более конкретным. Основная идея логического эмпиризма – отделить науку от метафизической абракадабры и поставить ее на твердый эпистемологический фундамент. Это и было сделано путем допущения того, что в любой научной гипотезе обязательно должно быть эмпирическое содержание. Эта теория была подкреплена наблюдением, что всякое научное утверждение может быть выведено с помощью соответствующих определений и самоочевидных правил логики из набора несомненных фактов опыта. Однако как можно быть полностью уверенным в правильности этих якобы самоочевидных определений и логических принципов? Ответ, к которому пришли Карнап, Шлик, Айер и другие позитивисты в 20-х, 30-х и 40-х годах был таков, что эти высказывания были *соглашениями*, помогающими закрепить значения составляющих их выражений; поэтому их правильность зависит от того, что они означают; они аналитичны.

Постольку, редукционистская эпистемологическая модель содержит следующие элементы:

- (а) Определенная часть условных аналитических высказываний, определяющая логические, математические и теоретические термины и выделяющая эмпирическое основание индивидуальных научных гипотез;
- (б) Эпистемологические решения, определяющие, какие из этих гипотез принять в свете наблюдений;
- (с) Прагматические решения, определяющие, принять или нет новые соглашения (то есть, говорить ли на новом языке).

7 Carnap R. The Logical Structure of the World: Pseudoproblems in Philosophy. – Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1967.

Эти элементы были развернуты, чтобы, во-первых, выделить класс значимых гипотез, и во-вторых, чтобы объяснить динамику формулирования научной теории.

Заметьте, что отличительным признаком этой модели уже было положение о том, что ни одно высказывание не может избежать пересмотра (то есть, быть удалено из системы наших убеждений). В противоположность тому, что часто предполагается, этот тезис вовсе не был нововведением Куайна. Нововведением Куайна было отрицание (редукционисты отстаивали это) того, что когда бы ни было пересмотрено то или иное предложение, всегда имеется определенный факт о том, предполагает ли этот пересмотр изменение языка, и имеется определенный факт о том, было ли наше решение отбросить данное предложение эпистемологическим или прагматическим. Догадка Куайна, коротко говоря, состояла в том, что никакого объяснения не может быть произведено с помощью того предположения, что имеются подобные определенные факты; так что мы спокойно можем избавиться от этого допущения. Так, в первую очередь, модель изменения наших убеждений, которая у нас остается (посредством чего мы постепенно движемся по направлению к глобальной наипростейшей теории, которая направлена на согласование всех наших чувственных данных), является одновременно и адекватной, и бесспорной. А, во-вторых, критерий научности, который хотели сформулировать эмпиристы – ярлык вразумительности в отличие от метафизической абракадабры – не должен быть чем-то большим, чем правдоподобие в рамках холистической модели; требование наличия индивидуального эмпирического содержания, как оказалось, не было необходимым.

Так что основное утверждение Куайна: редукционизм должен быть отвергнут. Оно восходит не только к различным дистинкциям, которые не поддаются никакому определению и, возможно, вообще не существуют, но, как мы видим, то, что объясняется при помощи редукционизма гораздо лучше объясняется холистической моделью сети убеждений, в которой рассматриваемые дистинкции не используются.

Если предположить, что эта критика редукционизма верна, то даже если когнитивные науки нашли (или найдут) объяснительно полезным постулирование полностью определенных семантических свойств, включающих в себя и аналитичность, последнее не будет иметь какого-либо философского значения. Замечательно, если мы с помощью некоторых особенных научных методов можем определить какие высказывания являются истинными, значит мы также можем определить,

какие изменения в теории предполагают изменения в языке теории, а также мы можем определить, какие изменения в теории обоснованы эпистемологическими причинами, а какие – прагматическими. Однако нужно ли это вообще? Зачем это нам будет нужно? Взгляд Куайна на то, как эволюционирует наука, который кажется более-менее правильным, состоит в том, что мы постепенно движемся по направлению к глобальной наиболее простой теорией, которая объяснила бы все наши чувственные данные. То, что происходит в науке – это вполне предсказуемый и объяснимый успех, и мы просто не беспокоимся о том, насколько мы изменяем значения слов и насколько наши решения являются прагматическими. Поэтому, поскольку мы обращаемся к науке и к философии науки, усовершенствованная способность определения аналитичности не является для нас чем-то полезным. Эта ситуация параллельна также и другим областям, в которых существует высокая степень неопределенности, и не является опасной. Неопределенные понятия, такие, как «недалеко», «большой», «красный» и «старый» идеально выполняют свою работу, не считая тех случаев, когда их *употребление* является неопределенным. И пока не меняются наши потребности, нет никакой необходимости в том, чтобы делать эти понятия точными. Опять же, ничего полезного для философии не может быть получено от научного обнаружения строго определенных семантических свойств.

Пока я рассмотрел только два родственных пункта, в которых критика аналитико-синтетической дистинкции Куайна осталась незатронутой открытиями лингвистов и психологов. Верно, что, как говорил Куайн, редукционизм, восходящий к упомянутой нами дистинкции, является плохой теорией. И также было бы верным, что научная аналитико-синтетическая дистинкция не будет иметь никакого значения в философии. Как бы то ни было, Куайн сделал больше, чем просто поставил вопрос об эпистемологической значимости определенных семантических фактов. Он отрицал, что существуют какие-либо из этих фактов (или хотя бы *многие* из них). Не подвергался ли именно *этот* его взгляд осуждению со стороны когнитивной теории?

Мне кажется, что у Куайна было два потенциальных способа защиты от этой критики. Во-первых, можно сказать, что он никогда не заходил так далеко, *утверждая несуществование* определенного свойства аналитичности, но что он поддерживал более слабый тезис о том, что широко распространенная вера в аналитичность необоснована – что она является *догмой* эмпиризма, статьёй веры, как он выражался. В

этом случае позиция Куайна согласуется с последующим открытием эмпирических оснований признания этого свойства.

Проблема этой защиты в том, что Куайн *доказывал* и *соглашался* с более сильным тезисом, возможно не в «Двух догмах эмпиризма», но уж точно в книге «Слово и объект». Итогом этой его работы является то, что большинство фактов перевода в большей степени неопределенны, и большинство фактов интралингвистической синонимии и аналитичности также по большей части неопределенны. Эти заключения следуют из того, что язык представляет собой набор поведенческих диспозиций. Конечно, эти заключения находятся в остром конфликте с гипотезами определенных семантических свойств, которые доказали (или по крайней мере *могли бы* доказать) свою ценность в когнитивных науках. Можно было бы согласиться с мнением Хомского, что эти научные результаты представляют собой *reductio* бихевиористского предположения Куайна.

Однако альтернативная оценка, которую, думаю, тоже стоит рассмотреть, говорит о том, что очевидный конфликт между утверждениями Куайна о значении и утверждениями когнитивной науки о значении может быть решен очень просто – путем раскрытия многозначности слова «значение».

Довольно часто происходит так, что слово из нашего обыденного языка берется учеными и в контексте их теорий начинает рассматриваться совершенно по-другому. Ему дается техническое значение, имеющее некоторую схожесть с его обыденным значением, но по сути – другое. И это вовсе не странность; это случилось со словами «рыба», «нагревать», «свет», «линия», «тело»; это могло бы случиться и со значением собственно слова «значение». То есть у слова «значение» есть свое собственное значение в обыденном английском (например, когда один человек говорит «Какое значение у испанского слова 'cerveza'?»); но точно также у него может быть и другое значение в контексте научной теории языка. И мне кажется, что это вовсе не некая абстрактная возможность. Я думаю, что обыденное значение слова никак не должно соприкасаться со значением этого же слова, например, в языковой («интерналистской») теории языка Хомского⁸. Если это так, то наконец-то можно увидеть точки соприкосновения между Куайном, который считает, что значение всегда неопределенно, и приверженцами теории языка, в которой отрицается всякая неопределенность. Теперь мы

8 Chomsky N. Knowledge of Language. – New York: Praeger, 1986. А также Chomsky N. Language and Problems of Knowledge: The Managua Lectures. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1988.

можем сказать, что Куайн говорил об обыденном понятии значения, и эти взгляды не противоречат положениям науки о значении как абсолютно другом явлении.

Однако каково основание полагать, что обыденный, и научный смысл слова «значение» относятся к разным явлениям? Поставленный таким образом вопрос определенно некорректен. Нет *четко определенного* научного использования слова «значение»: разные теории в рамках лингвистики и психологии вкладывают в это слово совершенно разный смысл. И поэтому может показаться невозможным, продемонстрировать, что не может существовать такой научной теории, в которой слово «значение» обозначает то же самое, что мы имеем ввиду в нашем обыденном языке, и которая позволяет получить точное определение того, что такое «истинно в силу своего значения». Однако фактически не трудно понять, что происходит, когда обыденный предикат переходит в науку; он явно переживает некоторое изменение значения и начинает обозначать некоторое другое свойство.

Например, рассмотрим выражение «старый человек». У него есть некоторая функция в обыденном языке. Предположим, что некоторые биологи открыли существенные изменения в физиологии человека, которые происходят в разных людях в некоторое время, и это вписывается в уже знакомые нам представления о старении. Представьте, что в рамках их теорий выражение «старый человек» будет использоваться в качестве технического термина для любого человека, который претерпел эти физиологические изменения. Будет ли это служить основанием того, что выражение «старый человек» не является таким неопределенным, как мы привыкли думать? Не откроем ли мы для себя, что какой-то подросток, по странному происшествию претерпевший это изменение, на самом деле – старый человек? Конечно, нет. Скорее, предикат «старый человек» будет выражать одно свойство для биологов, и совсем другое – для нас. Мы так говорим, потому что видим, что ученые дали этому выражению еще одно значение и переделали его «под себя», создав новые правила пользования этим словом.

Точно также можно сказать и про Куайна – и это будет довольно правдоподобно, – что выражения «синонимично с», «является истиной языка», «является правильным переводом» и так далее, имеют свои функции и в обыденном языке, которые вполне могут выполняться, несмотря даже на неопределенность этих выражений; а когда ученые переводят эти высказывания на новый объяснительный уровень, их

употребления, их значения и свойства, которые они выражают, меняются. Эти новые свойства могут вполне быть определенными; но это не будет противоречить тезису Куайна о том, что семантические свойства, к которым мы обычно обращаемся, неопределенны.

Представьте, опять же, как некий теоретик языка (например, Джерри Кац⁹) обнаруживает, что значение любого выражения имеет скрытую структуру: другими словами, становится полезно в объяснительном смысле постулировать эти структуры. Предположим также, что тогда можно определить отношение, R , между выражениями через некоторое теоретическое отношение между подлежащими структурами этих выражений. И предположим, что имеется высокая степень корреляции между конкретными случаями этого отношения и «интуитивной аналитичностью»: то есть, зачастую, когда « A » находится в отношении R к « B », то утверждение «Все A есть B » оказывается аналитичным, и наоборот. Теперь представим, что по этой же причине, наш теоретик обозначает некоторое предложение, как «действительно аналитичное» в том случае, если оно имеет форму «Все A есть B » и « A » находится в отношении R к « B ». В этом случае, как мне кажется, свойство, о котором говорит ученый, не является тем же самым свойством, которое имеют в виду философы. Употребление термина в рамках этой теории будет значительно отличаться от его философского значения и не может быть объяснено путем обращения к его философскому употреблению.

Мне могут возразить. Защищая позицию Куайна о понятии значения, я сам опираюсь на это понятие, я утверждаю, что слово «значение» претерпевает определенное изменение, когда оно употребляется учеными. На это возражение у меня есть два ответа.

Во-первых, как я уже упоминал, я не думаю, что скепсис Куайна по поводу семантических фактов настолько радикален, каким его обычно считают. Я понимаю Куайна как того, кто утверждает, что семантические свойства являются намного менее определенными, чем люди (особенно логические эмпиристы) себе это представляют, а не то, что таких свойств нет. Я не думаю, что он не имеет права утверждать, что два слова обладают разными значениями, или что выражения иногда двусмысленны. И тот взгляд на слово «значение», который я приписываю Куайну, просто является утверждением, обладающим этой же формой. Тем не менее, я должен признать, что моя защита этой точки зрения не

9 См.: Katz J. J. *Metaphysics of Meaning*. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1991.

является прочной: я не могу *доказать*, что всякое научное, определенное понятие значения должно отличаться от обыденного понятия.

В любом случае – и это второе, о чем я хотел бы упомянуть – я снова должен подчеркнуть, что отрицание аналитичности не является тем, что представляет какую-либо философскую важность в критике Куайна. Его главным тезисом, как я говорил выше, является эпистемологическая бесполезность аналитичности; а то, существует она или нет, является уже вторичным вопросом. Как говорит, собственно, сам Куайн:

Теперь я чувствую, что философски важный вопрос об аналитичности и лингвистической доктрине о логической истине состоит *не* в том, как их объяснить; скорее он относится к их релевантности для эпистемологии. Вторая догма эмпиризма, имеющая ввиду, что всякое эмпирически значимое предложение обладает собственным эмпирическим содержанием, была приведена в «Двух догмах эмпиризма» просто как поддержка ложной веры в понятие аналитичности; но сейчас я бы сказал больше, а именно что вторая догма создает надобность в аналитичности как в ключевом понятии эпистемологии, и что эта надобность отступает, когда мы принимаем во внимание концепцию Дюгема и оставляем вторую догму в стороне.¹⁰

В заключение, позвольте мне суммировать основные моменты. Я говорил о том, что вышеназванный конфликт между критикой аналитико-синтетической дистинкции Куайном и обоснованное постулирование этой дистинкции в когнитивной науке является иллюзией. Так, нижеследующие основные моменты позиции Куайна вообще не затрагиваются научными положениями:

(1) Редукционистская эпистемология, которой требовалась определенная аналитико-синтетическая дистинкция, нам не

10 Quine W. V. Reply to Hellman // Hans L., Schillp P. The Philosophy of W. V. Quine. – La Salle, Ill.: Open Court, 1986.

подходит и должна быть заменена холистической моделью сети убеждений;

(2) Научная, полностью определенная аналитико-синтетическая дистинкция не будет иметь никакого философского значения¹¹;

(3) Семантические свойства, о которых мы говорим в обыденном языке, могут быть и неопределенными, даже если они и постулируются в рамках когнитивной науки как определенные.

Уже знакомая (и часто отвергаемая) метафилософская сентенция заключается в том, что философским рассуждениям нельзя позволять ограничивать направление научных исследований. Старая а priori неудовлетворенность, например, относительно бессознательных ментальных актов, о криволинейном пространстве, о действии на расстоянии и обратной каузации представляются затруднениями для философии; но эти затруднения основываются на простой невнимательности к тому, что это технические термины. И нечто подобное происходит относительно аналитичности: критике Куайна не следует позволять препятствовать постулированию аналогичных свойств в рамках лингвистики и психологии. В любом случае, основная мысль всей этой статьи состоит в том, что мы должны понимать, и это неудивительно, что бесполезность философии для науки также оборачивается и тем, что научные результаты не решают философских проблем¹².

11 Я говорю «никакого философского смысла» вместо «никакого эпистемологического смысла» для того, чтобы оставить возможность того, чтобы научная дистинкция аналитического и синтетического играла некоторую роль в каузальном объяснении убеждения и участвовала поэтому в «натурализованной эпистемологии».

12 Хотелось бы поблагодарить Неда Блока, Пола Богосияна, Ноама Хомского, Мартина Дэвиса и Джерри Каца за помощь в написании этой статьи.